

В. М. Аллахвердов.

На пути к методологическому манифесту¹

«Чтобы по возможности избавиться от неизбежных субъективных ошибок в процессе создания научного знания, – пишет Андрей Юрьевич Агафонов, – ученые должны **”играть” в науку по строго заданным правилам. Эти правила называются методологическими принципами** (Выделено мной – С. Р.). Они вырабатываются научным сообществом прежде всего как правила обоснования и объяснения. Ведь признание чего-либо обоснованным и объясненным всегда является результатом принятого человеком решения.

Конечно, у ученого должно быть ощущение уверенности в истинности развиваемых им идей, но, как известно, на такое ощущение не всегда стоит полагаться. Ученый призван описывать реальность, а не свои произвольные мысли о ней, даже кажущиеся ему лично верными.

Умение правильно обосновывать – главное профессиональное требование в науке (Выделено мной – С. Р.). Понятно, впрочем, что если ученый *не верит* в истинность какого-либо утверждения, то он никогда его всерьез не сделает. **Сама эта вера во многом определяется мировоззренческими установками ученого, сложившейся у него картиной мира, принятым в научном сообществе на данный момент способом мышления (парадигмой)** (Выделено мной – С. Р.).

Методологические принципы – не абстрактные, туманные изыскания, а вполне конкретный и необходимый рабочий инструмент исследователя. Эти принципы могут выступать:

- как запреты, выполняющие охранительную роль и защищающие ученых от скорее всего неправильных построений;
- как регулятивы, направляющие ученых на определенный способ действия и позволяющие им сделать выбор скорее всего наиболее перспективных гипотез;

¹ Аллахвердов В. М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. СПб., 2009. С. 84–86.

- а также как **требования к итоговому результату – к системе теоретических положений** (Выделено мной – С. Р.).

Однако все эти запреты, регулятивы и требования – конечно же, лишь почти обязательные рекомендации, а не жесткие предписания. **Научная деятельность – это все-таки творческая деятельность, а потому методологические принципы не являются алгоритмами, использование которых автоматически и всегда приводит к успеху** (Выделено мной – С. Р.).

Иногда ученый идет на риск, нарушая некоторые методологические принципы, и даже добивается при этом экстраординарных результатов. **Важно, однако, чтобы этот риск им осознавался** (Выделено мной – С. Р.), потому что гораздо чаще нарушение принципов ведет к безуспешным попыткам достичь серьезных результатов.

К тому же даже выдающимся достижениям в науке отнюдь не гарантировано признание научным сообществом.

Как показывает история, в разных научных сообществах и в разные эпохи **методологические правила могут слегка отличаться друг от друга** (Выделено мной – С. Р.). По ходу развития науки их формулировки совершенствуются, но они всегда существуют, и следование им практически обязательно.

В отечественной психологии долгое время господствовала **идеологическая доктрина, которая подменяла методологию, полностью сводила ее к мировоззрению и во многом тормозила развитие нашей науки** (Выделено мной – С. Р.).

Однако отказ от этой доктрины привел не только к свободе, но и к анархии, произошло отречение вообще от каких-либо принятых правил игры в науку. **В итоге в современной отечественной психологии почти отсутствуют какие-либо объективные критерии оценки научных достижений** (Выделено мной – С. Р.).

Психологи на фоне **методологической вседозволенности** и теоретической разобщенности стали легко соединять несоединимое, впрягая в одну телегу **бихевиоризм, мистику Востока, психоанализ,**

концепцию деятельности, христианство, экзистенциализм и что угодно еще (Выделено мной – С. Р.).

Впрочем, это характерно не только для российской психологии. **Психологи всего мира признают наличие глубокого методологического кризиса** (выделено мной – С. Р.). <...>

На различных стадиях научного исследования ученые играют в разные игры, опираясь на разные правила (методологические принципы).

Правила отличаются друг от друга.

Во-первых, на разных стадиях различна степень субъективизма итогового результата. Минимальная – на стадии эмпирического исследования, максимальная – на стадии интерпретации и построения умозрительных конструктов.

Во-вторых, на разных стадиях ученые рискуют по-разному. Вероятность построить хорошую теорию всегда намного меньше, чем вероятность получить хоть какой-нибудь статистически достоверный результат эмпирического исследования.

В-третьих, правила работают по-разному, в зависимости от того, какую цель преследует ученый: стремится ли он приблизиться к постижению Истины, или хочет понять смысл обнаруженных явлений, или ему достаточно описать алгоритм достижения определенного эффекта.

Авторам следует указывать в своих текстах, к какой стадии они относят то или иное сделанное утверждение, а редакторам при публикации текстов следует сохранять эту предложенную исследователями маркировку (Выделено мной – С. Р.).

Любая стадия может быть промежуточным этапом в конкретном исследовании, а может рассматриваться как окончательный итог этого исследования. Последовательность стадий также может быть различной. Более того, в разных науках различные стадии исследования могут приниматься за окончательные»².

² Аллахвердов В. М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. СПб., 2009. С. 84–86.

Научное знание должно проверяться на опыте и непротиворечиво вписываться в наличное знание³

«Научное знание тоже субъективно переживается как очевидное, – пишет Виктор Михайлович Аллахвердов. – Ибо нельзя принять то, чего не понимаешь. “Очевидность остается последним источником истины и познания», - писал великий математик Г. Вейль⁴. Однако справедливо пишет Б. Рассел: “Озарение без проверки и без опоры является недостаточной гарантией истины, несмотря на то, что многие из наиболее важных истин быливначале подсказаны им”⁵.

Для увеличения такой гарантии к научному знанию предъявляются дополнительные требования: **Оно должно проверяться в опыте и непротиворечиво вписываться в наличное знание** (Выделено В. М. Аллахвердовым – С. Р.).

Эти требования помогают ученым избавляться от ошибочных идей и направлены на получение знания, все более и более адекватного реальности⁶.

Но эти же требования лишают науку ряда важных факторов, которые не удастся вписать в наличное знание, и многих замечательных идей, которые не удастся проверить»⁷.

Научное знание – это всегда сомневающееся знание⁸

«...Научное знание – это всегда сомневающееся знание, – утверждает В. М. Аллахвердов. – Ученый – не носитель Истины, он ее искатель. Но раз окончательная истина ученому не известна, то поиск ученого всегда окрашен субъективными предпочтениями, всегда пристрастен».

³ Аллахвердов В. М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. СПб., 2009. С. 71.

⁴ Вейль Г. Математическое мышление. М.: Наука. 1989. С.65.

⁵ Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали. Port-Royal, 1996. С. 153.

⁶ См. подробнее обширную литературу по методологии науки, в том числе и мои работы [Аллахвердов. 2000, 2003 и др.].

⁷ Аллахвердов В. М. Размышление... С. 71.

⁸ Аллахвердов В. М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. СПб., 2009. С. 72.

«Психология, - пишет А. Г. Асмолов, - пристрастная наука ... Лишь только вы встречаетесь с претензией на обладание одним и только одним путем к истине..., то знайте, что наука начинает перерождаться в веру»⁹. Религиозный человек – наоборот: он носитель истины, а не ее искатель»¹⁰.

Научное знание должно всегда стремиться к истине и не ограничиваться верой в объективность эмпирических данных.

«Мне не нравятся, – пишет В. М. Аллахвердов, – сразу две противоположные тенденции, весьма популярные в современной психологии: во-первых, убеждение, что научная деятельность не направлена на поиск Истины; а во-вторых, вера в объективность эмпирических данных, якобы не зависящих от субъекта»¹¹.

Научная деятельность – это субъективная деятельность¹²

«Научная деятельность – это субъективная деятельность человека, направленная на поиск истин?» – говорит В. М. Аллахвердов. – Другими словами, ученый стремится узнать то, что есть на самом деле, но всегда вносит в полученное знание нечто субъективное, нечто такое, чего на самом деле нет. Ученый является лишь искателем истины, а не ее носителем. Такой взгляд на науку – при всей своей банальности – принес славу постпозитивизму. Рухнул миф о науке как о полностью достоверном и лишенном субъективизма знании. Рухнул миф о науке, которая якобы последовательно (кумулятивно) приращивает эти свои знания. Стало ясно, что научное знание не просто знание, всегда развивающееся, но и никогда не завершенное ни в какой своей части, а потому в каждый момент везде заведомо неверное и к тому же насквозь пропитанное субъективизмом.<...>

Поясню на примере, почему иррациональные и анархистские рассуждения не могут быть оправданы постпозитивистской критикой

⁹ Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007. С. 3.

¹⁰ Аллахвердов В. М. Размышление... С. 72.

¹¹ Там же. С. 79.

¹² Аллахвердов В. М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. СПб., 2009. С. 79–84.

науки. Все, что мы знаем, мы знаем благодаря и с помощью сознания. Сознание же насквозь субъективно, даже более того, само сознание и есть субъективное, и нет логического пути для доказательства того, что знание, полученное сознанием, соответствует реальности: ведь наши представления о реальности есть только в сознании, а реальность сама по себе всегда дана сознанию лишь в виде представления о ней. Однако нельзя то, что есть в сознании, сопоставить с тем, чего в сознании нет. Следовательно, мы никогда не способны оценить истинность наших знаний; поэтому все наши знания могут быть неверными. Неудивительно, что с течением жизни они еще и много раз изменяются в любой своей части.

Итак, следует признать: все наши осознанные знания в принципе не могут быть лишены субъективизма и никогда не являются полностью достоверными. Но разве из этого следует, что мы живем в галлюцинаторном мире? Или что психологи совершенно бессмысленно говорят об адекватности восприятия, точности движений, правильности воспроизведения, подлинных мотивах поведения?

Да, картина мира каждого человека всегда субъективна. Да, она содержит множество искажений. Да, это скорее шарж на реальность, чем точное изображение. Но это все-таки шарж на *реальность*, а не рисунок несуществующего предмета. < ... >

Отсутствие на сегодня решения гносеологической проблемы* не говорит о том, что она в принципе не имеет решения. Наоборот, весь наш жизненный опыт убеждает, что сознание эту проблему решает. <...>

...Все научные теории неверны лишь в одном смысле, а именно: позднее они будут обязательно пересмотрены, все накопленное в рамках предыдущих теорий научное знание будет пониматься принципиально иначе. Однако в то же время все научные теории верны в другом смысле: включенные в них законы неплохо прогнозируют реальность и практически никогда не будут опровергнуты. Поэтому

* Гносеологическая проблема: как психика (сознание) могут сопоставить свое знание об объекте самому объекту, если психика (сознание) содержат лишь представление об объекте, а не сам объект? Нельзя же сличать то, что есть в психике, с тем, чего в психике нет. Иначе говоря, каков критерий, позволяющий психике... устанавливать верность соответствия своих представлений особенностям объекта – С. Р.

теории научны не потому, что они неверны, а потому что включают в себя такое знание, которое как верное навсегда сохранится в науке, пусть под другим обликом.

Современный научный реализм исходит из того, что реальность подлежит логически непротиворечивому описанию и что это описание может проверяться опытным путем. Опора на опыт вселяет уверенность, что научное знание, всегда содержащее субъективную составляющую, содержит и составляющую объективную, не зависящую от субъекта, а требование непротиворечивости – это требование прежде всего к языку описания, поскольку противоречивый текст заведомо неоднозначен. <...>

Ученый должен, во-первых, следить за тем, чтобы итоговое описание не содержало противоречия (поэтому, например, исходно противоречащие друг другу построения психоанализа, бихевиоризма и когнитивизма не могут быть *одновременно* верными), а во-вторых, с опаской относиться к включению в научный текст заведомо непроверяемых утверждений.

Научное знание нельзя адекватно воспринимать, исключив из рассмотрения создающих это знание людей. Чем яснее субъективная составляющая будет представлена в научных текстах, тем правильнее эти тексты будут пониматься и оцениваться.

К сожалению, в научном сообществе принят восходящий к позитивизму канон безличного описания полученных результатов, призванный стилистически подчеркнуть, что, мол, изложенные результаты не зависят от получившего их ученого, а следовательно, *претендуют* на объективность.

Субъективизм в науке неизбежен, его проявления следует учитывать, а не скрывать, и, хотя ученый обязан стремиться к объективности, субъективная составляющая научного знания должна адекватно отражаться в научных текстах (Выделено мной – С. Р.)».¹³

¹³ Аллахвердов В. М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. СПб., 2009. С. 79–84.

Методологический манифест¹⁴

1. Научная деятельность – это субъективная деятельность человека, направленная на поиск истины.

Проявления субъективизма следует учитывать, а не скрывать.

Чем яснее субъективная составляющая будет представлена в научных текстах, тем лучше этот текст будет пониматься и оцениваться.

2. Реальность подлежит логически непротиворечивому описанию, но само это описание должно обязательно проверяться опытным путем.

Опора на опыт вселяет уверенность, что научное знание, всегда содержащее субъективную составляющую, содержит и составляющую объективную.

3. Противоречивый текст недопустим в науке, ибо он совместим с любым высказыванием, а потому из него можно вывести все что угодно.

Нельзя признавать одновременно верными теоретические конструкции, исходные положения которых противоречат друг другу.

В частности, не могут быть одновременно верными бихевиоризм, психоанализ, теория деятельности, когнитивизм, гуманистическая психология и пр.

Это не разные (а потому, мол, допустимые) описания одних и тех же явлений, а заведомо ошибочные описания, в лучшем случае за исключением какого-либо одного подхода.

4. Авторам следует указывать в своих текстах, к какой стадии научного исследования они относят то или иное сделанное утверждение и насколько описываемые ими данные соответствуют имевшимся у них до начала исследования ожиданиям, а редакторам

¹⁴ Там же. С. 101–103.

при публикации текстов следует сохранять приводимую исследователями маркировку.

5. Заведомо очевидные исследователю (и читателю) эмпирические факты, призванные пояснять развиваемые в тексте идеи, должны специально маркироваться в тексте как иллюстративные.

Полученный же исследователем эмпирический факт, кажущийся ему настолько неожиданным, что он хочет обратить на него внимание научного сообщества, также должен в тексте маркироваться.

6. Если непосредственно наблюдаемый факт противоречит наличной системе научного знания, то его непосредственная наблюдаемость или вообще отрицается, или должна ставиться под сомнение до тех пор, пока не будет указано, либо как совместить этот факт с имеющимися знаниями, либо как изменить наличную систему научного знания.

Если ученый все-таки решается на сознательный риск и предлагает обратить внимание на факт, который, как ему кажется, в корне противоречит наличному знанию, то он должен маркировать такой факт как аномальный.

7. При изложении фактов не следует уделять места описанию таких деталей явления, которые не имеют ни теоретического, ни прагматического значения и никак далее не обсуждаются.

Выбор единицы квантования и вычленение иных деталей факта предполагает явное или подразумеваемое указание на соответствующие теоретические или прагматические соображения.

8. Автор должен специально проверять, не внес ли он в описание непосредственно наблюдаемого явления заметных искажений в сторону удовлетворяющей его интерпретации.

Выполнение этого требования в полной мере невозможно, оно опирается лишь на интеллектуальную добросовестность и интуицию автора.

Однако исследователь должен выполнять это требование столь же непреложно, как и требование описывать действительно наблюдаемые, а не придуманные им самим явления.

9. Среди многих возможных классификаций лучше избирать такие, которые способны предсказывать существование еще не обнаруженных явлений или позволяют утверждать невозможность существования каких-то явлений, которые ранее рассматривались как возможные.

10. Ни классификация данных, ни утверждение о наличии или, наоборот, об отсутствии связи, ни тем более утверждение о тождественности чего-либо с чем-либо не могут быть обоснованы только статистическим анализом.

Выявление статистически значимых коэффициентов в корреляционной матрице является только основанием для выдвижения гипотезы, которую надо еще независимо проверять в дополнительном исследовании.

11. Осмысленность вычислений статистических параметров не определяется используемыми математическими методами, правомерность применения математического аппарата должна специально содержательно обосновываться и проверяться.

Поэтому, в частности, психодиагностические методы должны статистически подтверждаться, но не могут возникать в результате статистических расчетов.

12. Любое содержательное утверждение о результате статистического анализа данных, любое эмпирическое обобщение, полученное в результате статистической обработки данных,

являются внеэмпирической интерпретацией и потому должны всегда независимо проверяться.

13. Алгоритм обработки данных должен быть фиксирован до того, как получены сами данные. Если же переход к другому алгоритму приводит к более качественным результатам, то следует фиксировать новый алгоритм и ко всем новым данным далее применять уже только его.

При эмпирическом обобщении данных из всех способов статистической обработки лучше начинать с самого простого.

Правила последовательного усложнения алгоритма обработки данных надо также фиксировать заранее.

14. Индивидуальные константы могут определяться из эмпирического закона только после того, как сам закон обоснован в общем виде.